

ERNST MORITZ ARNDT
UNIVERSITÄT GREIFSWALD

Wissen
lockt
Seit 1456

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ

ST. PETERSBURG
STATE UNIVERSITY
FACULTY OF PHILOLOGY

UNIVERSITAS
PETROPOLITANA
MDCCLXXIV

Internationales Slawistenkomitee –
Phraseologische Kommission

Die slawische Phraseographie und Parömiographie

Славянская фразеография и паремиография

Научные редакторы:
Х. Вальтер (Грайфсвальд)
В.М. Мокиенко (Санкт-Петербург)

Greifswald – Sankt Petersburg 2014

- АН – Апокрифи новозаветни: према српским преписима [приредило и на савремени језик превео Томислав Јовановић]. Београд : Просвета : Српска књижевна задруга, 2005. – 704 с.
- ГВ – Петар II Петровић Његош : “Горски вијенац”. Београд : Просвета : Цетиње : Обод, 1984. – 379 с.
- РСАНУ – Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд : Српска академија наука : Институт за српски језик: књига II: 1962. – 800 с.
књига III: 1965. – 794 с.
књига XI: 1981. – 800 с.
књига XII: 1984. – 800 с.
књига XIV: 1989. – 800 с.
- СП – Свето писмо Старога и Новога завјета / превео Стари завјет Ђ. Даничић. [Нови завјет превео Вук Стеф. Караџић]. Београд : Британско инострано библијско друштво, 1987. – 706 с.
- ШМ - Петар II Петровић Његош : “Лажни цар Шћепан Мали”. Београд : Просвета : Цетиње : Обод, 1984. – 379 с.
- BIBLIJA – Biblija – Stari i Novi zavjet, Zagreb : Stvarnost, 1968. – 934 s. + 368 s.

Жанар Кабдыляшымовна Кынова
Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы,
Казахстан
zhkiynova@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СТАРОСЛАВЯНСКОГО (ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО) ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Работа посвящена описанию фразеологических единиц старославянского (церковнославянского) происхождения как одного из основных источников формирования русской фразеологии. На материале, эксцерпированном из «Фразеологического словаря старославянского языка», в котором представлены собственно старославянские сверхсловные языковые единицы из древнейших памятников славянской письменности, датируемых X-XI вв., описываются процессы метафоризации, десакрализации, а также примеры окказионального употребления устойчивых сочетаний в языке современных газет. Автор выделяет три группы фразеологизмов старославянского (церковнославянского) происхождения: библеизмы, фразеологические соматизмы, содержащие в своей структуре архаизмы, а также устойчивые сочетания современного русского языка, созданные по моделям старославянских фразеологизмов.

Одним из источников формирования русской фразеологии являются старославянские (в широком значении церковнославянские) письменные памятники, датируемые X-XI вв., на основе которых был создан «Фразеологический словарь старославянского языка» – ФССЯ (2010) – первый опыт фразеографического описания собственно старославянских сверхсловных языковых единиц. По мнению составителей словаря, «старославянские

памятники отражают древнейшее состояние славянского лексико-фразеологического фонда, и описание системы устойчивых словесных комплексов X-XI вв. дает важные сведения для историко-этимологического изучения фразеологического состава современных славянских языков, в том числе и русского» (ФССЯ 2010, 7). Многие из устойчивых сочетаний, вошедших в данный словарь, имеют ветхозаветные корни, поэтому они вошли в состав библеизмов, составивших отдельный пласт фразеологизмов русского языка. По мнению А.В. Григорьева (2006, 27), «старославянские памятники X-XI вв. отразили один из важнейших этапов в жизни библеизмов, когда ветхозаветная образная система начинает вписываться в христианскую картину мира, и большинство библейских слов и выражений сохраняют уже имеющиеся переносные смыслы и приобретают новые, христианские».

Одним из основных предположений ученого является то, что библейские фразеологизмы проникли в русский язык не через старославянские тексты, – напротив, большинство библейских выражений появляется еще в византийской книжности, начиная с первых веков возникновения христианства. Если выражение восходит к ветхозаветному эпизоду, оно впервые может возникать уже в древнееврейской и греческой эллинистической «околобиблейской» и апокрифической литературе. Основной массив библейских выражений появляется в греческом языке в «золотой век» христианства (IV-V вв. н.э.), что связано с формированием устойчивой традиции, распространением христианского просвещения и количеством привлеченных авторами библейских книг.

Составители словаря (ФССЯ, 2010) отстаивают противоположную точку зрения, согласно которой старославянские, а позднее – церковнославянские тексты восточнославянского извода (евангелия, псалмы, жития, молитвы и пр.) через церковные службы, через систему обучения грамоте, через ритуалы венчания, крещения, отпевания, через христианские праздники создавали гораздо более естественные условия для освоения христианской символики и библейских устойчивых словесных комплексов. «Одной из особенностей библейской фразеологии русского языка является ярко выраженный архаический колорит многих БФ, вошедших в русский язык непосредственно из церковнославянского перевода Библии и сохраняющих признаки старославянизмов, – как например, *взыскующие града* (Евр. 13:14); *злоба дня, на злобу дня* (Мат. 6:34); *яко тать в нощи* (1Фес. 5:1-2; *Своя своих не познаша* (Иоан. 1:7-11). ... В случае формальных расхождений между церковнославянским и русским переводами библейских оборотов в русский язык в качестве фразеологизмов чаще входили церковнославянские варианты» (Дубровина 2012, 98-99). Следовательно, функционирование старославянизмов (церковнославянизмов) в составе библейских выражений – один из основных признаков выделения корпуса библейской фразеологии: *ничтоже сумняшеся, вносить лепту, отверзлись хляби небесные, без зазрения совести, не ведают, что творят, глас вопиющего в пустыне, хранить как зеницу ока* и др.

Большую часть фразеологизмов старославянского происхождения составляют сочетания с компонентом «Бог», «Божий»: *Бог весть, воля Божья, Божий закон, Божий сын, Божья благодать, да будет воля (Божья) Твоя, рука Божья, каменный бог* и др. Эти устойчивые словесные комплексы зафиксированы еще в Словаре Академии Российской (САР) – первом академическом словаре русского языка, с которого начинается систематизация и описание фразеологического материала. В словаре фразеологизмы подразделяются на три большие группы: 1) пословицы, поговорки, присловицы; 2) терминологические сочетания; 3) фразеологические выражения, идиоматика. В Предисловии к словарю отмечается, что источниками выборки «речений» и «выражений» послужили примеры, извлеченные из «всех известных книг церковных, и лучших светских сочинений, летописей разных, законодательств как древних, так и новейших, записок путешественников» (САР 1789-1794: VIII). На основе специального исследования фразеологического материала и его семантизации в САР Е.Э. Биржакова (1965, 263) приходит к выводу о том, что «церковные источники дали обильный фразеологический материал: *богатеть в Бога* – в Священ. Писании преуспевать в добродетели (II, 245); *боюсь Бога* – в славенском языке значит: живу по заповедям Божиим, живу благочестиво (I, 305); *вержение камне* – расстояние или пространство, которое можно человеку перебросить камнем (I, 602); *отвергаюсь самого себя, отвержение самого себя* – отлагаю страсти, умерщвляю плоть (I, 607 и др.). ... Это была не только мертвая “церковность”, но и живое словоупотребление книжников, а также принадлежность произведений высокого штиля». *Бог* в лексике старославянского (церковнославянского) языка интерпретируется как «личность». Существование «личностного» образа Бога в старославянском языке объясняется тем, что «христианство по своей сути антропоморфично. Его учение о Боге – это учение о творце мира и человеке, поэтому Бог в представлениях средневекового человека – это всеобъемлющая личность, Богочеловек. И эта человеческая природа Бога сыграла важную роль в духовной эволюции средневекового гуманизма ... Бог в сознании средневекового человека являлся как бы зеркальным отражением его души, чаяний его сердца, самое главное из которых – обретение спасения» (Вендина 2002, 32). Соотнесенность таких фразеологизмов с религиозными ценностями обусловлено идеей святости, сакральности на все, что имеет отношение к Библии и религиозному культу.

Дальнейшее развитие значений фразеологизмов с компонентом «Бог» происходит под воздействием стереотипов национального мышления: *Бог дал, Бог не обидел, Бог надоумит, Бог не дал, Бог положил на душу, Бог послал, Бог привел, Бог велел, Бог сохранил, как Богу было угодно, Бог миловал* и др., что привело к метафоризации и десакрализации фразеологизмов в современном русском языке, т.е. утрате их исконного сакрального смысла.

Процесс метафоризации, т.е. утрата первоначального значения и приобретение переносного смысла, был характерен для многих устойчивых сочетаний. Так, выражение *бити челомъ* первоначально обозначало конкрет-

ное действие, когда при самом низком поклоне, сопровождавшем просьбу или жалобу, касались лбом пола, т.е. буквально били лбом об пол. Впоследствии выражение стало употребляться в двух образных значениях: «просить» и «жаловаться на кого-нибудь». Выражение *препоясать* (*опоясать*) *чресла* в Библии означало «обвязаться поверх одежды поясом, опоясаться». «На Востоке в новозаветные времена носили длинную и широкую одежду, которая путалась между ногами при ходьбе. Поэтому, когда предстояли физическая работа, путь или сражение, надевали пояс. Также подпоясаны были слуги, которым приходилось быстро ходить, прислуживая господину» (ФССЯ 2010, 302).

В современном русском языке семантика многих фразеологизмов библейского происхождения трансформируется в результате десакрализации. Этапы изменения значений фразеологизмов библейского происхождения зафиксированы в «Толковом словаре библейских выражений и слов» В.М. Мокиенко (2010), который представляет собой уникальный справочник по семантической истории фразеологизмов от исходного значения к современному. Так, выражение *значное место*, восходящее к заупокойной молитве «Упокой душу раба Твоего (имярек) в месте светле, в месте *значне*, в месте покойне», первоначально означало «место, обильное растительностью», т.е. «приятное, спокойное и изобильное место», с течением времени приобретает противоположное значение – «место, где предаются азартным играм, пьянству, разврату». ЗЛАЧНОЕ МЕСТО. *Шутл.* 1. О месте, где можно спокойно и благополучно жить. Выражение из церковнославянского текста псалма (в русском переводе: Он покоит меня на *значных* пажитиях и водит еня к водам тихим); 2. О месте, где предаются кутежам, разгулу (Мокиенко 2010, 310). Стилистическая маркированность выражения указывает на экспрессивно-эмоциональную окраску *шутл.* – шутливое, что характеризует его современное употребление. «Следует отметить, что возникновение иронической или шутливой окраски в сакральном библейском обороте сначала как индивидуально-авторского, а затем общеупотребительного явления очень часто вызывает десакрализацию БФ, а также может привести к образованию у него нового значения» (Дубровина 2012, 92.).

Н.И. Коновалова (2004, 56) рассматривает следующие частные тенденции изменения семантики фразем при их десакрализации: 1) синонимизация единиц, содержащих исходный сакральный компонент с прямо противоположной коннотацией (ср. *черт его знает* – *Бог его знает*, *черт с ним* – *Бог с ним*); 2) перевод сакрального смысла в область профанного сопровождается появлением у фразем общего значения неопределенности (неопределенного времени: *Бог весть*, *когда*, неопределенного пространства: *к черту на кулички* и т.п.); 3) наличие образности и экспрессивности как следствие актуализации (выражения определенного эмоционального отношения к сверхъестественной силе) или деактуализации сакрального компонента (при превращении таких фразем в экспрессемы, не соотносимые с первоначальным сакральным значением). Этот процесс сопровождается формированием эмоционально-оценочных оппозиций. Так,

фразама *ради Бога* может употребляться и в значении «пожалуйста, очень прошу».

В современном речевом общении фразеологизмы старославянского (церковнославянского), или библейского происхождения имеют оценочную маркированность, поскольку «они отражают не только и не столько общий процесс десакрализации библейских оборотов, сколько приспособление их к системе ценностных ориентиров современного общества, о чем свидетельствуют присутствие в ассоциативном поле ФЕ оценочных реакций: *волк в овечьей шкуре*: предатель; *в поте лица*: принуждение; *глас вопиющего в пустыне*: бесполезность, бесполезный бунт; *не от мира сего*: ненормальный, наивность; *манна небесная*: халява; *козел отпущения*: недотепа, дурак, забитый человек, жалость; *содом и гоморра*: мракобесие, беспредел; *умывать руки*: смухлевать» (Дидковская 2007, 152-153).

По наблюдениям исследователя, реакции на слова-стимулы связаны с ассоциациями о реалиях современного быта: *вавилонское столпотворение*: очередь, час пик, экзамены, транспорт в час пик; *в поте лица*: трудоголик; *глас вопиющего в пустыне*: оппозиция, диссидент; *краеугольный камень*: начальник, директор; *не от мира сего*: НЛЮ, инопланетяне. Это означает, что зачастую у носителя современного русского языка библейские фразеологизмы вызывают ложные ассоциации, связанные с осмыслением современных реалий и ассоциациями говорящих о каком-либо явлении и предмете.

Например, библейский фразеологизм *манна небесная* означает «что-либо желанное, крайне необходимое, редкое» и не имеет ничего общего с манной крупой. По библейскому мифу – это пища, которую Бог посылал иудейскому народу каждое утро с неба, когда «сыны Израиля» шли в пустыней в страну обетованную. На самом деле, по утверждению ботаников, «манна небесная» – это всего лишь съедобный лишайник, растущий в пустынях Африки и Малой Азии, легкие серые комочки которого поднимаются ветром вверх и создается впечатление, что они падают с неба.

Устойчивое выражение *манна небесная* относится к наиболее частотным фразеологизмам в современном речевом общении не только в своем исконном значении «о чем-либо очень желанном, важном, дорогом для кого-либо», но и в окказиональном употреблении как следствие его метафорического переосмысления на основе развития субъективных ассоциаций, что в большей степени характерно для языка СМИ: *Для тех, кто проводит бессонные ночи в борьбе с преступниками, появление подобного свидетеля – как манна небесная*. (Михаил ГОРШКОВ. «Сделка с правосудием» как борьба с мафией // Комсомольская правда, 20.09.2006. Здесь фразеологизм употребляется в нетрадиционном значении: «выгодный поворот дел». Несмотря на то, что окказиональные употребления нарушают фразеологические нормы, закрепленную в словарях, «именно они свидетельствуют о семантическом потенциале библейской фразеологии, который обеспечивает ее включение в современные условия общения, .. однако, если рассматривать библеизмы в аспекте владения носителями языка, то отступления от языко-

вого стандарта предстают как свидетельства освоения и освоенности этого фрагмента русской лексики и фразеологии» (Дидковская 2007, 154).

Демократизация современных СМИ порождает многообразие образного переосмысления библейских выражений в результате различных ассоциаций, отражающих ценностные представления современного общества: *Но чемпионат – это хлеб насыщенный, а Лига – праздник. [Павел САДКОВ. Спортивный директор красно-белых Станислав ЧЕРЧЕСОВ: Может, я приношу «Спартаку» удачу? // Комсомольская правда, 30.08.2006.* Оказиональная экспрессия наполняет высказывание особой семантической информацией, в которой проявляется субъективное видение реальности автором, преломляющееся в творческом сознании в собственную систему ценностей.

Фразеологические соматизмы старославянского и древнерусского происхождения составляют одну из основных частей русской фразеологии, которые Р.Н. Попов (1976, 22) выделяет в отдельную группу – «фразеологические единицы с архаичными существительными древнерусского и старославянского происхождения, связанные с понятием о человеческом организме»: *бить челом, один как перст, перст указующий, беречь как зеницу ока, сомкнуть вежды, око за око, в мгновение ока, из уст в уста* и др.. На наш взгляд, идиоматичность соматических архаизмов связана с тем, что, во-первых, лексика старославянского (церковнославянского) языка ориентирована на человека, поэтому средневековая культура – это не только теоцентрическая культура, но и антропоцентрическая, ориентированная на ценностное осмысление мира, который «организован вокруг человека; человек сквозь фразеологическую призму, как и сквозь лексическую, видится в старославянских текстах «центром мироздания» (Вендина 2002, 22); во-вторых, формульность, что связано с их употреблением в составе традиционных формул (*предстать пред очи, возвестить очи, поднять голову, отверзать уста*), либо в устойчивом, традиционном семантическом окружении, отражающем былую синтагматическую закрепленность.

Наиболее обширным в данной группе соматических фразеологизмов являются сочетания с компонентами слова *око*, которые олицетворяют человека как существо духовное, созерцающее и постигающее окружающий мир во всем его многообразии. Древнерусское слово *око* как стилистически маркированный архаизм сохранилось только в составе устойчивых сочетаний, пословиц и поговорок, многие из которых активно употребляются в живой повседневной речи: *беречь как зеницу ока, в мгновение ока, око за око, зуб за зуб, недреманное око, всевидящее око*. В каждом из этих выражений концептуализируются сакральные смыслы, соотносимые с библейскими текстами. Так, пословица *око за око, зуб за зуб* – это цитата из Библии, провозглашающая Моисеев закон: «Перелом за перелом, око за око, зуб за зуб: как он сделал повреждение на теле, так и ему должно сделать».

Во «Фразеологическом словаре старославянского языка» (2010, 270) приводятся не только толкование значений устойчивых сочетаний, но и представлена развернутая историко-энциклопедическая информация из

истории иудаизма и христианской церкви, имеющая непосредственное отношение к формированию семантики устойчивых сочетаний: «оборот *ОКО ЗА ОКО И ЗЯБЪ ЗА ЗЯБЪ*» отражает закон талиона (от лат. *talio*, род. пад. *talionis* – возмездие, равное по силе преступлению), принцип наказания-возмездия «равным за равное», возникший в родовом обществе и воспринятый древними рабовладельческими системами права. Он заключался в нанесении за причиненный вред точно такого же вреда виновному («Око за око, зуб за зуб»). Наиболее ярко этот принцип был выражен в вавилонском кодексе Хаммурапи и в древнееврейском праве. Элементы талиона отчасти содержались в римских законах 12-ти таблиц. Возникновение талиона было связано со стремлением ограничить кровную месть равновеликим возмездием за вред: суровость наказания не должна превышать тяжести преступления».

Своеобразную историю имеет оборот *недреманное (всевидящее око)*, которое восходит к церковной литературе XII-XIII вв. и служило названием иконы с изображением младенца Иисуса Христа, покоящегося на ложе с открытыми глазами.

Особый интерес вызывает параллелизм употребления книжных слов с разговорными как, например, в русской поговорке: *Хоть видит око, да зуб неймет*. Об этом В.М. Мокиенко (2007, 114) в своих историко-этимологических очерках пишет следующее: «Подобный параллелизм употребления архаичного слова *око* характерен и для других устойчивых оборотов, в которых оно сохранилось. Такие выражения, как *пуце ока своего* или *как зеницу ока хранить* (*беречь* и под.) ‘очень бдительно, заботливо’, *умственное (мысленное, духовное) око* ‘ум, воображение’, *недреманное око* ‘бдительный, наблюдательный надсмотрщик’ – результат книжной, письменной традиции на Руси. Оборот же *гнать (прогонять) с очей* связан с речевой стихией, а выражение *во мгновение ока* ‘очень быстро’ органично соединяет в себе и книжно-литературную и разговорно-речевую традиции».

Многие фразеологизмы старославянского (церковнославянского) происхождения не функционируют в современном русском языке, однако по их смысловым моделям были созданы аналогичные устойчивые сочетания, в которых старославянские (церковнославянские) по происхождению слова заменялись русскими, общеупотребительными синонимами: *БИТИ ПРЪСИ (СВОЮ)* – *бить себя в грудь, пръстомъ своимъ не (хотѣти) двигнѣти* – *палец о палец не ударить, зазырѣти глаголѣхъ* – *ловить на слове*. Фразеологизм *БИТИ ПРЪСИ (СВОЮ)* в старославянском (церковнославянском) языке обозначал «жест, которым говорящий мог сопровождать слова, выражающие раскаяние или горечь. Оборот встречается в притче о фарисее и мытаре, а также в рассказе о распятии Иисуса» (ФССЯ 2010, 44). В современном русском языке выражение *бить себя в грудь* не только приобретает дополнительные отрицательные коннотации, но и расширяет круг ситуаций: *«Бить (колотить, ударять) себя в грудь. Разг.; неодобр., часто ирон. 1. Сокрушаться и раскаиваться в чем-либо. 2. Клятвенно, страстно, с притворной искренностью уверять кого-то в чем-либо, убеждать в своей честности, доказывать свою правоту»* (Дубровина 2010, 39).

От устойчивого сочетания *зазыръѣти глагольѣ*, который в качестве грамматического центра содержит глагол *зазыръѣти* в значении «упрекать, укорять», а также «осудить, поставить в вину» (ФССЯ 2010: 177), был образован разговорный фразеологизм *ловить на слове*, имеющий в современном русском языке значение: «воспользовавшись сказанным, заставлять (заставить) кого-либо сделать то, о чем сказано».

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что по моделям книжных фразеологизмов, восходящих к старославянскому (церковнославянскому) языку были образованы разговорные фразеологизмы. Параллелизм значений данных фразеологизмов развился в результате замены книжных слов на нейтральные.

Таким образом, старославянская (церковнославянская) фразеология стала одним из основных источников формирования русской фразеологии, на основе которой сформировались три разных пласта устойчивых сочетаний: библеизмы как первая по времени книжная фразеология, генетически восходящая к Библии; фразеологические соматизмы, содержащие в своей структуре архаизмы, а также устойчивые сочетания современного русского языка, созданные по моделям фразеологизмов старославянского (церковнославянского) языка.

ЛИТЕРАТУРА

- БИРЖАКОВА Е.Э. Описание фразеологического состава русского литературного языка XVIII века в «Словаре Академии Российской» 1789-1794 гг. // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII в. М., Л., 1965, с. 251-270.
- ВЕНДИНА Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. – 336 с.
- ГРИГОРЬЕВ А.В. Русская библейская фразеология в контексте культуры. М.: Индрик, 2006. – 360 с.
- ДИДКОВСКАЯ В.Г. Фразеологические единицы библейского происхождения в лексиконе современной языковой личности // Русское слово и русский текст: история и современность. СПб.: Изд-во РГГУ им. А.И. Герцена, 2007, с. 149-156
- ДУБРОВИНА К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М.: Флинта: Наука, 2010. – 808 с.
- ДУБРОВИНА К.Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. М.: Флинта : Наука, 2012. – 264 с.
- КОНОВАЛОВА Н.И. Динамический аспект интерпретации фразеологизмов с сакральным компонентом // Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004, с. 53-57.
- МОКИЕНКО В.М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки. М.: Флинта: Наука, 2007. – 464 с.
- МОКИЕНКО В.М. Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц / В.М. Мокиенко, Г.А. Лилич, О.И. Трофимкина. М.: АСТ :

- Астрель, 2010. – 639 с.
- ПОПОВ Р. Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. М.: «Высшая школа», 1976. – 200 с
- СЛОВАРЬ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ.. СПб., 1789 – 1794. Ч. I – VI
- ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА: свыше 500 единиц / отв. ред. С.Г. Шулежкова. М.: Флинта: Наука, 2010. – 424 с.

Елена Иннокентьевна Зиновьева
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
e_zinovieva@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ПРЕДЛОЖНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ОБИХОДНОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ: МОДЕЛИРОВАНИЕ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

В работе рассматривается лексикографическое представление фразеологизмов с предлогом *за* в связи с семантической разработкой предлога, анализируются структурно-семантические модели и особенности функционирования этих единиц в памятниках обиходного русского языка XVI-XVII вв.

Фразеологизмы, зафиксированные в 6-ти выпусках «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв.» (далее – СОРЯ), включают достаточно большое количество единиц, в состав которых входит предлог. Это глагольные, адъективные выражения и предложно-падежные словосочетания, разной степени фразеологизированности, например: *ударить лицом в грязь, дать на откуп (в откуп), по великой неволе, по вестям, без вины, на (в) весну* и многие др.

В Инструкции к СОРЯ указывается, что «каждый фразеологизм повторяется в словарных статьях на все слова-компоненты (кроме служебных)» (СОРЯ, вып. 4, 41). Однако в словарных статьях на предлоги приводятся фразеологические единицы, отражающие соответствующее грамматическое значение. Обычно это делается отсылочно, а сама фразеологическая единица (далее – ФЕ) получает детальное описание под грамматически господствующим словом. Например, «**В, ВО, предлог. I. С вин. надежом. Употребляется при указании на: 1. Пространство, область, внутрь, в пределы которых направлено действие. .... > Во весь свет см. свет. > В глаза см. глаз. > Ударить лицом в грязь. См. грязь**» (СОРЯ, вып. 2: 9). В отдельных случаях фразеологизм может получить семантическую разработку в словарной статье, заголовочной единицей которой является предлог. Причинами отступления от правила могут являться стремление авторов словаря максимально полно представить материал именно в данных выпусках, если грамматически главенствующее слово начинается на далеко отстоящие буквы алфавита, постоянное пополнение картотеки, а